

УДК 821.1-1.09:2

О.А. Лиденкова

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ И СИМВОЛЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БАЛЛАДЕ

В статье рассматриваются черты религиозного мировоззрения и символики в литературной романтической балладе. В текстах баллад эти элементы находят реализацию через композиционную структуру произведения, темы детства, наказания, исповеди, покаяния, а также прямое использование библейской символики. Причем эти элементы имеют разную степень выраженности, например, в белорусских текстах образы детей или природы не получают такого яркого религиозного звучания. Вместе с тем отмечается единство трактовки основных понятий выбора, совести, справедливости, основанные на общих христианских корнях европейской культуры. Таким образом, особую значимость приобретает религиозно-философский подтекст баллады.

Романтический интерес к религии, который находит отражение и в западноевропейской балладе, во многом обусловлен неустойчивостью и трагическими событиями истории. Как отмечает Кристофер Доусон, «рационализм преобладает в век процветания, благополучия и защищенности общества и находит мало сторонников в эпоху потрясений» [1, с. 12].

К элементам религиозного мировоззрения в балладе можно отнести веру в сверхъестественное, отражение определенной системы моральных норм и типов поведения, мистического опыта, выражение надежды на спасение от страданий, несчастий, одиночества, вера в возможность общения с Богом, ангелами, душами умерших, которые выступают как идеальные посредники.

Религиозное мировоззрение проявляется в балладах на нескольких уровнях. Во-первых, Библия становится одним из источников балладных сюжетов. Ее темы и образы использовали многие поэты. Так, Виктор Гюго обращался к библейским сюжетам в своем поэтическом цикле «Легенды веков», многие стихи которого весьма близки балладному жанру.

Во-вторых, введение и использование элементов сверхъестественного, столь характерное для литературной баллады, прямое использование библейской символики и мотивов в оформлении балладного текста. Примерами может служить воплощение зла в виде змеи, а невинности как голубя: «Christabel» У. Кольриджа. В балладе Я. Чачота «Узногі» в сцене гибели героя зло, совершенное им, возвращается к нему в виде змей: «Паўзуць адусюль ... на іх змеі, Іх шчыльна усіх акружаюць» [2, с. 132].

К ним относится использование таких деталей, как представления о рае и аде, уготованным преступникам: «The Rose», «The Old Woman of Berkeley» Р. Саути, «Свіцязь» Я. Чачота, «Роспач» Я. Барщевского и другие; умывание рук в балладах «Свіцязь» Чачота или «Jaspar» Р. Саути как попытка заявить о своей непричастности к преступлению (в обоих случаях – убийству): «Хлапец скіраваў да ручаю, І з рук кроў вадой там змывае», «And in the running waters then He cleansed his hands from blood»; уподобление сражающихся за свою страну ангельскому воинству «The Dirge of Wallace» Томаса Кемпбелла: «And the sword that was fit for archangel to wield» [3].

В балладе «William Bond» У. Блейка используется пространственная символика – расположение людей справа или слева от героев: «On his right hand was Mary Green» [4, с. 19].

Аллюзией на библейское предание о Содоме и Гоморре является сюжет об образовании озера (моря) на месте погибшего «проклятого» города: «Дзве бярозы»

Я. Барщевского или «Свіцязь» Я. Чачота: «Так рушыцца ўвесь горад Свіцязь з наўколлем» [2, с. 154].

В балладе С. Т. Кольриджа «The Foster – Mother's Tale» (сборник «Лирические баллады»), также используется отголосок этого мотива. Так, один из героев, лорд Велез, ведет опасные вольнодумные речи стоя у стен церкви by the north side of the Chapel. Вдруг земля расступается, и главный виновник падает в глубокую яму: «The earth heaved under them» [5]. В балладе Я. Чачота «Падземны звон на горцы ў Пазяневічах» в бездну летит церковь, священник которой обманом присваивал деньги доверчивых прихожан.

Все эти примеры можно отнести к стилистическому оформлению баллад, которое может служить лишь чисто художественным целям. Далеко не всегда введение библейских образов в произведение означает, что оно содержит традиционную религиозную идею. Христианская символика, например, отличает произведения Блейка, там фигурируют понятия рая, ангелов и бесов, однако он использует их для создания и выражения собственной мифологии, в некоторых аспектах весьма далекой от христианской. Или баллада Л. А. Мея «Эндорская прорицательница», где практически воспроизводится один из эпизодов жизни царя Саула из Ветхого Завета. Но автора интересует именно социально – политическая составляющая и возможное использование сюжета для отражения каких-то современных ему событий. Поэтому он исключает всякую религиозную составляющую сюжета. Это говорит скорее о процессе эстетизации религии и, по словам исследователя Пола Брайанса, «писатели в этот период чувствовали возможность использовать и писать на библейские темы с той же свободой, как их предшественники использовали классическую мифологию и почти с таким же отсутствием уважения» [6].

Таким образом, анализируя специфику проявления религиозных символов, нельзя полагаться лишь на внешнее оформление. В действительности религиозный элемент в балладе – православный, протестантский, католический – часто гораздо глубже, чем поверхностное эстетическое обращение. Об этом свидетельствует сама постановка вопроса о цели жизни человека, о том, что смысл его существования лежит вне материальных благ, в духовной сфере: «Нікчэмнасць! Вяршыня раскошы/ Піць, есці – і больш анічога!» («Свіцязь» Я. Чачота).

Для многих авторов баллад религия была важной составляющей частью жизни, семейной традиции, воспитания. Разумеется, не все из них целиком принимали традиционные религиозные системы, некоторые, например Кольридж, переживали периоды протеста или критики.

Рассматривая другие уровни балладного текста, можно проследить, какие именно религиозные идеи и символы отразились в балладах английских и белорусских авторов. Есть темы, получившие сходную трактовку. Например, религиозные мотивы в жанре баллады нередко определяет композиционную структуру стихотворения. Можно выделить несколько вариантов построения таких баллад. Причем они могут быть как основным мотивом, так и второстепенным, вплетаясь в любовный или исторически- легендарный сюжет.

1) заблуждение – прозрение – покаяние: «The Thorn» У. Вордсворта, («Лирические баллады»), «Мышанка» Я. Чачота, «Варожба» А. Гаруна.

2) заблуждение / преступление – наказание, которое, как правило, служит предостережением или уроком для других. Возможно, одна из наиболее распространенных сюжетных схем: «Inchcape Rock », «Rudiger», «God's Judgment on a Wicked Bishop», «Свіцязь».

3) искушение/ испытание – награда или гибель, в зависимости от выбора героя: «Glenfinlas» В. Скотта, «Русалка – спакусніца» Я. Барщевского.

4) Сочетание и параллельная разработка сразу нескольких из перечисленных вариантов структуры. В таком случае обычно они сопоставляются по принципу контраста: заблуждение и гибель одного героя и прозрение и раскаяние другого. «Бекеш», «Jaspar».

Они едины в том, что по мере развития повествования герой переживает внутренние противоречия и обязательным, самым важным является момент выбора, который и определяет дальнейшую его судьбу. Как правило, развязка наступает тогда, когда человек сознательно делает выбор, как, например, в балладе Я. Чачота «Падземны звон на горцы ў Пазяневічах». Человек окончательно теряет способность и желание к покаянию: «Бэрэ і бярэ поп ... І ў Бога збавення не просіць...» и только тогда наступает момент наказания.

Практически во всех балладах с религиозными мотивами, добро побеждает. Некоторая дидактичность свойственна жанру в целом. Поэтому закономерно то, что наиболее ярко религиозные мотивы проявляются именно в развязке баллад. В то время главенствующей была идея о том, что общество не может подняться выше духовного уровня людей, составляющих его: «нет другого средства реформировать нацию, – писал Р. Саути, – чем того, с помощью которого можно возродить отдельного человека» [7, с. 308]. Соответственно, изложение событий в балладе ведется не по принципу соблюдения фактологической достоверности, а скорее с целью отражения представлений автора о мужестве, красоте и справедливости. Известным примером может служить баллада Р. Саути «God's Judgment on a Wicked Bishop». Как отмечает Г.Эверетт, автор «очень несправедлив к реальному историческому Хатто I (Hatto I), епископу города Майнц (умер в 913 г.), который совсем не был таким негодяем, каким он представлен в легенде» [8]. То есть для сюжетов баллад выбирались не просто случаи, содержащие тайну, загадку, фантастический колорит, но те, из которых можно было бы извлечь какой-то урок. Например, в предисловии к балладе «The sailor, who had served in the slave-trade» Р. Саути, автор замечает, что «подобным историям необходимо придавать самую широкую огласку» [9].

Однако здесь можно отметить следующую особенность литературной баллады: в большинстве традиционных текстов этого жанра видимым образом торжествует зло, истина и справедливость восстанавливаются в ином мире, что раскрывает неспособность героя к победе над злом в нашем реальном мире. Его победа скорее духовная, здесь, в пространстве этой жизни людям об этом сообщается через символы, например, через появление на могилах погибших героев розы, шиповника, березы или золотой вербы. В литературной же балладе справедливость торжествует уже здесь: «Узногі» Я. Чачота, «Jaspar» Р. Саути, то есть свойства, элементы, относимые народной традицией к миру иной вечной жизни, привносятся в повседневную жизнь.

Тема справедливого возмездия реализуется в балладе и английской, и белорусской аналогично.

Общим является представление о том, что истинная справедливость может прийти только свыше, так что о том, кто действительно достоин истинной награды, ведомо только небу: «А слава – то Боская узнагарода За гожаць душы і сумленне» [2, с. 88]. Причем через детали указывается именно на мистичность происходящего: «... з яснага неба ... Раптоўна пярун тут ударыў». Огонь, молния изначально воспринимаются именно как Божья кара. «І Бекеш з гары стрымгалоў з вадаспадам Ляціць пад узбліск бліскавіцы».

Человеческая похвала и наказание равно несправедливы: «А Бекешу помнік сказаў ён паставіць –...І сёння стаіць ён ... Ды што яго славіць! Хай будзе для тых ён дакорам...». Поэтому жанровая эстетика утверждает, что человек не может сам мстить за себя. Прямо эта мысль выражена в балладе У. Блейка «Grey Monk»: «The hand of

Vengeance found the bed, The iron hand crush'd the tyrant's head, And became a tyrant in his stead» [4, с. 61]. То есть, человек, берущий на себя право вершить правосудие, сам уподобляется преступнику. Герой баллады, как правило, лишь обращается к небу с просьбой наказать виновного: «God be to him as merciless As he has been to me!»: «Jaspar» Р. Саути. Герои баллады «Узногі» Я. Чачота также умирают с просьбой: «Адпомсціць за ўсё даручаючы Богу». Особенной силой обладает прошение беззащитных и слабых героев: «An orphan's curse would drag to Hell A spirit from on high»: «The Rime of the Ancient Mariner» [5]. А вся земля, природа в таком случае выступают как инструмент, послушный высшей воле: «А лес той пануры і цёмны як хмара – З нябёсамі тут ён гамоніць спрадвеку»: «Узногі». «Still as a Slave before his Lord, The Ocean hath no blast»: «The Rime of the Ancient Mariner».

Общим принципом балладной развязки является созвучная христианству идея о том, что человеку воздается той мерой, какой он судит других, что наиболее характерно балладам «God's Judgment on a Wicked Bishop» Саути, «Goody Blake and Garry Gill» Вордсворта, «Узногі» Чачота, очень схожим по типу конфликта и способу его разрешения. Причиной конфликта, как и в большинстве баллад, является страсть, владеющая героем. В данных балладах – это жадность, причем то, что они жалеют для других, они сами имеют в избытке. В балладе «Goody Blake and Garry Gill» боязнь потерять несколько веток хвороста гонит героя от теплого очага в ледяной холод зимней ночи и заставляет часами ждать предполагаемого вора – бедную старушку Гуди Блейк. Авторская ирония проявляется, во-первых, в несоответствии сил противников (молодого здорового Гарри Джилла и старушки Гуди Блейк). Во-вторых, в сопоставлении незначительности проступка и громкой клятвы Гарри отомстить: «And vow'd that ...he on her would vengeance take».

Подобным образом развивается действие и в балладе «Узногі» Я. Чачота. Пан запрещает крестьянам, умирающим от голода, собирать что-либо в лесу, считая его только своей собственностью «Ніводны звярок і ніводны арэшак прапасці ў мяне не павінен!». Более того, он посягает на то, что никак ему не принадлежит: «І вашыя душы, як гэтыя дрэвы, Належаць мне толькі...» [2, с. 128]. Для него самого же поход в лес за орехами является лишь развлечением: «Сабраў ён сваіх – будзе гэтулькі ўцехі!».

Наказание за поступки героев во всех трех балладах осуществляется высшей силой, Богом, но в форме, символически представляющей жертву. Так, в стихотворении «God's Judgment on a Wicked Bishop» Р. Саути епископ не желает делиться запасами зерна, поэтому заманивает крестьян в амбар и там их сжигает, называя крысами, не приносящими пользы: «Rats that only consume the corn» [9]. И расплата приходит в виде множества крыс, заполнивших всю округу. Они проникают в башню, куда пытается спрятаться епископ, и где он погибает. Причем уточняется, что крысы были посланы именно за ним «To do the work for which they were sent», а не появились случайно. И в «Узногах» на пана, его семью, слуг в лесу нападают тучи птиц: «Шулёнкі, сіпы, совы хмараю цемнай Ляцяць ды хапаюць паноў кіпцюрамі». Если учесть, что в белорусской (и вообще индоевропейской) традиции птицы часто ассоциируются с душами умерших, можно предположить, что в тексте они символизируют замученных паном крестьян. Гарри Джилл, отказавшийся помочь старушке Блейк, оказывается в таком же положении, что и она. С тех пор он не может согреться ни зимой, ни летом: «'Tis all the same with Harry Gill; Beneath the sun, beneath the moon, His teeth they chatter, chatter still».

Завершаются баллады выводом – моралью, призывающей других задуматься над тем, что случилось с героями стихотворения: «Now think, ye farmers all, I pray, Of Goody Blake and Harry Gill». Другие баллады с религиозными идеями все весьма схожи и мало отличаются по своей главной мысли: «The Rose», ««Inchcape Rock» и многие другие.

Иногда тема наказания получает особое, не характерное звучание, как в стихотворении С.Кольриджа, «Ворон» («Raven», 1798), очень близком по стилю и форме балладному жанру. Необычная зловещая фантастика выделяет его даже среди других произведений самого автора. Для этого может быть несколько причин.

Во-первых, сравнивая его с русскими, белорусскими балладами, можно вспомнить утверждение А. Ф. Лосева о том, что романтизм «не имел у нас исторической почвы» [10]. Оно, возможно, справедливо в том плане, что российское общество того времени в большей степени оставалось традиционным, в нем так не отразилось разочарование во французской революции, равно как и духовный кризис западной Европы, вызванный урбанизацией, угрозой потери индивидуальности каждой личности при переходе к массовому обществу.

Проанализируем данное стихотворение исходя из исторических условий того периода. В данном произведении речь идет о вороне, свившем гнездо на зеленом дубе. Однако люди срубают дуб и семья ворона погибает. Вот как описан дровосека, который приходит к дубу: «But soon came a Woodman in leathern guise» [11, с. 276]. Его кожаная одежда символизирует приземленность, бездуховность, отражение чисто эгоистических побуждений. Что подтверждает портрет: «His brow, like a pent-house, hung over his eyes». Причем само дерево называется собственностью ворона – «Raven's own oak», так как именно он посадил и вырастил его, а вовсе не люди. То есть в стихотворении плодами труда пытаются воспользоваться не те, кто имеет на это право.

Птенцы ворона погибают «His young ones were killed», то есть это символ будущего, надежды на продолжение чьих-то начинаний. Умирает и подруга ворона «their mother did die of a broken heart», что означает невозможность начать все заново, вернуть утраченное.

Хотя все происходит ради, казалось бы, вполне благородной цели – строительства корабля, однако это совершается без оглядки на судьбы менее значительных, на первый взгляд, существ, в данном случае, ворона и его семьи. Строительство корабля – это стремление в даль, к лучшему. Однако корабль гибнет, едва отплыв от берега: «The ship, it was launched; but in sight of the land Such a storm there did rise as no ship would withstand». Он не успел ничего достичь, но и разрушил уже существующее. Поскольку корабль символизирует государство, нужно согласиться с исследовательницей Павлиной Хаковой (Pavlina Hachova), которая связывает особенно мрачный колорит этого стихотворения именно с неоправдавшимися надеждами автора на революцию во Франции [12].

Своеобразно раскрывается тема возмездия в данном стихотворении. В начале при описании ворона упоминается его связь с потусторонними силами: «He belonged, they did say, to the witch Melancholy». Важной деталью является и его неподвластность природным законам: ворон летит сквозь бурю, но ни дождь, ни ветер не касаются его крыльев: «Flew low in the rain, and his feathers not wet» [11, с. 276]. Затем, поселившись на дереве, которое связывает его с землей, ворон словно теряет свои фантастические характеристики и становится обычной птицей, частью этого мира. Но, утратив эту связь после гибели семьи, вновь обретает свою мистическую природу, восстанавливает свою символическую связь со смертью: «Death riding home on a cloud he did meet». Гибель корабля представлена как месть ворона людям: «And he thank'd him again and again for this treat: They had taken his all; and REVENGE IT WAS SWEET!».

Ворон в европейской культуре традиционно связан с символикой смерти. Однако в начале баллады он выступает именно как сила созидания – строит гнездо, спасает желудь от свиней и в последствии выращивает его. Он не становится символом смерти и не вторгается в жизнь людей до тех пор, пока они сами не беспокоят его. Тем самым подчеркивается идея о невозможности создания на разрушении.

Внимание и любовь Кольриджа и поэтов озерной школы в целом к красоте окружающей природы позволяет предположить, что другой возможной интерпретацией может быть тема потребительского захватнического отношения человека к окружающему его миру. В таком случае идея ворона близка к мысли, ярко звучащей в «The Rime of the Ancient Mariner» о необходимости любить все живое. Необычность ворона заключается в том, что, в отличие от тех же стихов из сборника «Лирические баллады», силы разрушения преобладают над созидательным началом, отображая трагический взгляд на мир.

Независимо от возможной социальной или политической интерпретации стихотворения, можно выделить идеи краткости и мимолетности земного счастья: «soon came a Woodman», того, что человек сам не властен над своей жизнью, а разрушение влечет за собой еще большие жертвы. Та же тема потери неоднократно звучит в «Лирических балладах»: «Simon Lee, the old Huntsman», «The Female Vagrant», «The last of the Flock», «Old Man travelling», «The Mad Mother», «The Complaint of a forsaken Indian Woman». Разрушение, как и в вороне, приходит извне, каждый преследует свои личные цели без оглядки на окружающих. Но там она несколько смягчена идеей терпения и покорности судьбе: «Old Man travelling».

Многие английские баллады отражают болезненность потери преемственности между прошлым и настоящим, крах надежд, стихийность и слишком быстрый характер общественных перемен, нестабильность и хрупкость человеческой жизни. В этом они несколько отличаются тем, что в них отдельно выделяется тема пути и поиска утраченного равновесия, покоя, в общем-то, не характерная для белорусских баллад того же периода. Мир предстает как некое холодное враждебное пространство, отвергающее человека: «Cold was the night wind, drifting fast the snows fell» [9]. Сам герой изображается странником: «a rooф Wanderer». Так, из 23 произведений в сборнике «Лирические Баллады», по крайней мере 6, содержат эту тему. Как правило, путь этот либо не оканчивается ничем определенным, как в балладе «The Female Vagrant», либо приводит к смерти героя, так и не нашедшего себе пристанища: «The Widow» Р. Саути. Окружающие люди не слышат голоса и просьб героини. Баллада ставит вопрос о смысле происходящего, страданий, сущность которых раскрывается в религиозном плане как надежда на избавление после смерти, что человек обретет покой не здесь: «GOD had releast her». Это именно поиск постоянства, опоры, которую нельзя найти в людях, но которая живет в высших сферах: «constancy lives in realms above»: «Christabel» Кольриджа.

В этом плане белорусские баллады более спокойны, их герои не стремятся за пределы знакомой им местности, практически все действие происходит недалеко от дома. Это касается даже встреч с чудесными или фантастическими персонажами. В них также реализуется характерная балладная тема о счастье в ином мире, однако это случается как следствие злой воли конкретного человека, а не судьбы: «Дзве бярозы» Я. Барщевского.

Черты религиозного мировоззрения проявляются не только в композиции произведения, но и на идейно – эстетическом уровне. И белорусские и английские баллады равно уделяют внимание проблеме зла внутри человека [8]. Поэтому наряду с темой выбора, возмездия, доминируют идеи совести, любви, молитвы покаяния.

Герои баллад страдают от угрызений совести, причем голос последней воспринимается именно как признак духовного пробуждения: «Conscience! thou God within us!», «Той, хто чым-небудзь запляміў сумленне, Не знойдзе спакою ніколі»: «Бекеш» Я. Чачота [2, с. 89]. В случае искреннего раскаяния, оно принимается: «Put thou thy trust in heaven, And call on him for whose dear sake All sins shall be forgiven»: «The sailor, who had served in the slave-trade» Р. Саути.

Но не всегда осознание вины спасает героя, так как оно может быть вызвано не сожалением о своем поступке, а страхом наказания и желанием избежать его: «The rose», «God's Judgment on a Wicked Bishop», «Inchcape Rock» [9].

С темой раскаяния тесно связан мотив исповедальности, когда герой рассказывает о преступлении незнакомому человеку, что воспринимается одним из способов искупить или облегчить вину (предупреждение другим): «The Rime of the Ancient Mariner» С. Кольриджа, «The sailor, who had served in the slave-trade» и некоторые другие.

Наиболее характерна религиозная символика для любовных баллад. «Хотя великие романтические произведения часто сосредотачиваются на страхе или ярости, движущей силой этих страстей – чаще всего являются отношения между парой влюбленных» [6]. Однако не этот ее аспект позволяет рассматривать любовь как выражения религиозных убеждений. Обращает на себя внимание, что в английских романтических балладах в частности, большое внимание уделяется не любви – страсти, но любви – жертве, любви как дару.

Любовь является центральным христианским принципом. С. Кольриджа интересуется любовь как сила, освобождающая и спасающая человека. Лучшим примером служит баллада «The Rime of the Ancient Mariner».

В этом произведении любовь противопоставлена, во-первых, неблагодарности, так как именно убитый мореходом альбатрос дал им надежду вернуться обратно, радвал в стране тумана. Но очень скоро люди забывают об этом и обвиняют альбатроса в своих бедах: «T'was right, said they, such birds to slay That bring the fog and mist» [5].

Во-вторых – немотивированной жестокости, именно так характеризует поступок сам автор: «With his cruel bow he lay'd full low The harmless Albatross». Можно сказать, что вся баллада, описывающая странствия героя, по сути – его путь к умению любить. Автор иллюстрирует это, вводя один и тот же образ морских змей и сравнивая, какими их видит герой в начале и в конце своего пути. Из «slimy things did crawl with legs» они превращаются в существа, вызывающие восхищение: «no tongue Their beauty might declare». Причем способность любить дарит умение понимать красоту [13, с. 37]. Оно становится частью человека и выражается непроизвольно, не требуя никаких усилий, непроизвольно. «A spring of love gushes from my heart, And I bless'd them unaware».

Кроме этого, главным свойством такой любви является то, что она показана как необходимое условие для преодоления границы между человеком в его земной жизни и небом. Лишь когда человек (герой баллады) обрел способность любить, он вернул способность к молитве «The self-same moment I could pray». Интересно, что до этого момента вместо креста на шее морехода висит убитый им альбатрос. Эта деталь означает, что неспособность любить, символом которой считается погибшая птица, приводит к разрыву его связи с духовным миром, потере свободы. «He prayeth best who loveth best, All things both great and small: For the dear God, who loveth us, He made and loveth all».

Похожее понимание любви характерно для баллады Я. Чачота «Радзівіл, альбо заснаванне Вільні». Герой, предавший любовь, характеризуется как «грэшнік» [2, с. 126]. В то время как дочь пастуха, погибшая из-за бескорыстной жертвенной любви, становится в глазах народа безгрешной: «пра якую ў народзе Расказваюць як пра святую».

Иногда в английских балладах религиозную окраску получает тема природы и детства, что не вполне характерно для баллад русских и белорусских.

Если говорить о природе, в основном это выражается во введении пантеистических мотивов: соответствия между человеческим сердцем и некоторыми элементами природы. Однако, они не так сильны, как у некоторых немецких романтиков, например, Гердера и Гёте [8]. Это больше одушевление природы субъективными эмоциями поэта, поиск гармонии между природой и людьми: «The Foster – Mother's Tale». Похожая идея

высказываецца в балладе Я. Чачота «Радзівіл, альбо заснаванне Вільні», действие которой практически полностью перенесено в период господства язычества на территории Беларуси. Как известно, язычество в основе своей обычно связано с пантеистическими представлениями, поэтому поэт использует частые обращения к природе: «За што ж, о прырода ... Ты помсціш сваёй так ахвяры?», «Калісьці была ў нас з прыродаю згода» [2, с. 123]. Подобные детали можно также отнести лишь к средствам придания тексту стихотворения большей выразительности и соответствия духу времени.

Романтическое же увлечение темой детства во многом созвучно евангельскому «будьте как дети». Если в белорусских балладах дети лишь символ слабости и беззащитности, то английские романтики часто изображали их как источник большей мудрости, чем взрослые [6]. Например, в стихотворении Кольриджа «Anecdote for Fathers» автор удивляется способности ребенка найти неожиданную для взрослого мышления причину поступка.

Ребенок, детское состояние души – то, к чему можно стремиться и то, что взрослые давно утратили: непосредственность чувств и острое восприятие истины – баллады «Нас семеро» У. Вордсворта или «The Battle of Blenheim» Р. Саути. Во втором случае взрослый человек оценивает битву как великое сражение – «a famous victory». Однако его признание в том, что он на самом деле не знает даже, за что сражались обе стороны, лишает эту оценку какого – либо основания: «But what they fought each other for, I could not well make out». В его глазах битва была великой потому, что все так говорят: «everybody said,» quoth he "That 'twas a famous victory» [9]. Подобному неразличению добра и зла, когда тысячи погибших воспринимаются не как трагедия, но естественное условие «великой» битвы, противостоит голос ребенка. Именно он дает верную с точки зрения автора оценку войне, не поддается навязанному общепринятому мнению: «Why, 'twas a very wicked thing!».

В белорусских литературных балладах значительную роль играют сохранившиеся в народной культуре остаточные элементы языческих верований. Например, Чачот в балладе «Мышанка» упоминет такие детали: «Паслужаць мінушкі дзятве ад сурокаў» [2, с. 138]. Много элементов культа предков: покойный отец или другие родственники помогают живым: «Балада» Ф. Багушевича, «Бекеш» Я. Чачота. В стихотворении «Падземны звон на горцы ў Пазяневічах» говорится о пожертвованиях: «продкам і небу ахвяры». В стихотворении Ф. Багушевича «Быў у чысцы!» встреча с покойным экономом происходит 1 ноября – день «задушны». В балладе «Радзівіл, альбо заснаванне Вільні» именно предки судят современных людей: «У змроку блукаюць Даўнейшых тут рыцараў цені, Што строга нас судзяць – усё яны знаюць Пра нас, нашы дзеі, хацённі». Конечно же, автор отграничивает подобные верования от своих убеждений, такие детали подаются лишь как потребность передать жизнь «простага люду». Но то, что это является элементом культуры его народа, придает им в глазах автора достаточную ценность для включения в текст: «Хай прымхі ўсё гэта – ды іншае вока ў іх знойдзе жыцця таямніцы».

Итак, можно выделить значительную группу литературных баллад с элементами религиозной символики, которая проявляется на разных уровнях: во внешнем стилистическом оформлении, структуре, философском подтексте произведений. Многие из тем, идей, символов по характеру использования являются общими как для английских, так и белорусских текстов и обусловлены общей христианской культурой: библейские символы, трактовка в религиозном плане понятий выбора, раскаяния, совести, награды и наказания. Человек предстает свободным и ответственным за свои действия. Исследуются мотивы преступления, истоки зла, той его части, что заключена в человеке, и той, что приходит извне. Причем зло является отличительным признаком именно этого мира,

в небесах баллада видит благо и справедливость. Проявляется характерный для баллад дидактизм, когда главным является тот вывод, который должен сделать читатель.

Однако отдельным идеям в английских балладах отводится более значительное место, например, теме природы, в описании которой могут проявляться близкие пантеизму идеи близости Бога, совершенства земной природы и стремление к гармонии ее с человеком.

На языке художественных образов романтики стремились выразить мировоззренческие поиски и проблемы своего времени, обозначить общие закономерности современного им духовного развития. Поэтому отличительной чертой многих английских баллад является разработка в них тем поиска, источника и смысла страданий, что вызвано резкими переменами в общественных взглядах и историческими потрясениями. Социальные разочарования могут выражаться в более мрачной и жуткой фантастике английских баллад.

Белорусские баллады девятнадцатого века тоже выражают драму столкновения жизни, любви, смерти, но они в большей степени сохраняют ощущения традиции, большое внимание уделяли отражению, сохранению, передачи народных представлений, опыта, заключенного в фольклорных преданиях, легендах, на которых литературные баллады, в большинстве своем и основывались: «Працуў і рыбач так, як продкі!»: «Калдычэўскі шчупак» Я. Чачота. В этом смысле многие белорусские баллады ближе по своей эстетике к балладам народным, в которых также не было идеи поиска, но они служили выражением уже существующих представлений, норм и ценностей.

А. Ф. Лосев отмечал, что романтизм главного его русского представителя Жуковского «есть мировоззрение, которое всецело основывается на догматике христианства» [10]. Во многом эта мысль применима к балладам Вордсворта, Кольриджа, Саути, Чачота, Барщевского, Багушевича и других поэтов того периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dawson, Christopher. Religion and Culture / Christopher Dawson. – New York : Sheed & Ward, 1948. – 225 p.
2. Чачот, Я. Наваградскі замак: Творы / Я. Чачот. – Мінск : Выш. школа, 1989. – 204 с.
3. Campbell, Thomas. Poems: Classic poetry series // The World's poetry archive [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://www.poemhunter/campbell.com>
4. Blake, William. Selected Poems: Bloomsbury Poetry Classics Series / William Blake / Selected by Ian Hamilton. – St. Martin's Press, 1995. – 128 p.
5. Wordsworth, William., Coleridge, Samuel Taylor. Lyrical Ballads, with a Few Other Poems [Electronic resource]. – 1992. – Mode of access: <http://www.online-literature.com/wordsworth/lyrical-ballads-1798/>
6. Brians, Paul. Romanticism [Electronic resource]. – 17 October 2007. – Mode of access: http://www.wsu.edu/~brians/hum_303/romanticism.html
7. Eastwood, David. Robert Southey and the Intellectual Origins of Romantic Conservatism / David Eastwood // The English Historical Review. – Vol. 104, No. 411 (Apr., 1989). – P. 308-331.
8. Everett, Glenn. Romanticism, Religion, and Philosophy: Wordsworth's Religion // Victorian Web [Electronic resource]. – July 2000. – Mode of access: <http://www.victorianweb.org/previctorian/ww/religion1.html>
9. Southey, Robert. Poems: Classic poetry series // The World's poetry archive [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://poemhunter/southey.com>

10. Лосев, А. Ф. Романтические идеи в элегиях и балладах Жуковского [Electronic resource]. – 1.12.1999. – Mode of access: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl6/vl6-2922.htm>
11. Collected Works of Samuel Taylor Coleridge. Opus Maximum / Edited by Thomas McFarland. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – V. 15. – 395 p.
12. Hácová, Pavlína. Love, Life, and Death in Coleridge's Poem «The Raven» // *Facultas Philosophica* 73 [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: http://publib.upol.cz/~obd/fulltext/Anglica-2/Anglica-2_10.pdf
13. Дьяконова, Н. Я. Английский романтизм: Проблемы эстетики / Н. Я. Дьяконова. – М. : Наука, 1987. – 208 с.

Lidenkova O. A. Religious Motives and Symbols in European Literary Ballad

The article traces elements of religious belief and Christian symbols in romantic literary ballad. Such motives are realised on the structural level, as well as through the themes of sin, punishment and direct use of Biblical symbols. Some of these elements reflect differences of cultural tradition. Themes of nature and childhood do not get in Belarusian ballads the religious implications they have in English texts. Although on the whole almost all ballad texts convey traits of common Christian heritage. Thus, special emphasis is given to the religious and philosophical message of the text.